

П. М. БИЦИЛЛИ

О некоторых особенностях русского языка

По поводу «Москвы под ударом» Андрея Белого

Приведу наудачу несколько мест из недавно вышедшего произведения А. Белого «Москва под ударом» (1926 г.).

Поземица снежная перебивала волокна под ноги; расстались два дома; меж ними писались запахи метели; мутнел переклик расстояний; кривой переулочек разглядел фонариком; вот — и заборик с приметами снега.

В окне дозатор вскочил, прилипая к стеклу старобабьим своим подбородком; взял лампу, пошел отворять; прокащела пастень в окне световом, переломанная на гнилявом заборике; два растрепанца в тени приворотенки ляды точили.

Переулочек жаром горел; вонький дворик подпахивал краской; маляр облиловил фасад; затрухлели, лущась, щербневатые почвы, желтевшие дикою редькой; Дрехлена Ягинична вешала рвани и дрени; в заборный пролом, над которым зацвикала птичка, открылись вторые дворы — с провисением стен, с перекрывами крыш...; свинья, задрав визглное рыло, там чвакала в мякоти; прела конюшня под ласткой...

Так написан сплошь целый том в 248 страниц. Можно представить себе, какое раздолье будет для редакторов академического издания сочинений А. Белого, когда он станет классиком: после каждого второго или третьего слова поставить sic! в скобках, а под текстом сноски с толкованиями.

Разумеется, такого рода писание — юродство и заключает в себе элемент издевательства над читателем и над языком.

Называя манеру А. Белого юродством, я, однако, не вкладываю в эту формулу ничего осуждающего. Мирское юродство А. Белого имеет свою параллель в юродстве религиозном, составляющем специфическую черту восточно-православной, а в особенности русской, религиозности (см. об этом тонкие замечания Г. П. Федотова в его недавно вышедшей книге о русских святых)¹. Юродство

не было чуждо и Западу, но только там оно подавлялось, во всяком случае, вводилось в границы. Св. Франциск начал с юродства и сам себя называл юродивым — Idiota. Idiota значит буквально — человек «сам по себе», не такой, как прочие люди. Таким образом, юродство граничит с еретичеством («свобода выбора»), но оно не то же самое, что еретичество. Еретик «самоутверждается»; юродивый же старается самоумалиться, быть возможно менее привлекательным. Таково и «мирское», «светское» юродство. А. Белый, несомненно, сознательно добивается того, чтобы вызвать в читателе раздражение по отношению к автору. Но психологическая особенность юродства состоит в том, что юродивый, отталкивая — привлекает, самоумалаясь — импонирует, косноязычно бормоча — вещает. Писательское юродствование А. Белого никак нельзя определить как просто никому не нужное коверканье языка, ибо этому противоречит тот факт, что как ни неприятно читать «Москву под ударом», от этой книги трудно оторваться и невозможно отделаться от произведенного ею впечатления. Юродствующая стилистическая манера А. Белого является у него приемом достижения художественной выразительности. В одном месте он описывает падение камня в пруд: «Отблеск серебряный тронулся; пруд передернулся: блесною излива; и — зеленоного стрельнула лягушка: туда: пузыречек серебряный глюкнул из глуби; паук водяной, неподвижно распластаный, — прочь устрельнул: под купальню, пропахшую очень горькой ольхою и плесенью». И. А. Бунин написал бы иначе, употребляя только самые обыкновенные слова, и достиг бы не меньшей выразительности, а может быть, и большей. Но, в конце концов, по слову Фридриха Великого — каждый волен спасти свою душу «à sa façon»*.

Писание А. Белого представляет интерес с одной, особой стороны: оно служит убедительнейшим доказательством, что писательское юродство для пишущего по-русски возможно. Произведение, подобное «Москве под ударом», не могло бы появиться ни на каком другом языке. Чуть ли не половина слов — а может быть, и больше — автором выдуманы, «сделаны», но понятно решительно все. Таким образом, в литературной, если можно так выразиться, плоскости воспроизводится та же индивидуальная особенность русской культуры, русского жизненного стиля, которая засвидетельствована в области религиозной жизни. Западноевропейские языки не терпят никакого языкового юродства, как Западная Церковь не терпит юродства религиозного. Русский язык терпит. В русском языке от любых слов одной категории можно производить слова любой другой. Это совсем не то, что в английском языке, где у имен и глаголов одна и та же внешняя форма и где по-

* «на свой манер» (*фр.*).

этому смысл слов определяется в каждом данном случае тем, что перед ним стоит: *to* или *the*, или же, наконец, просто его местом во фразе. Для того, что называется «духом» русского языка, характерна способность любого «корня» обрастать любыми приставками, суффиксами и окончаниями, — точнее говоря, не «корня», а слова. У А. Белого есть глаголы *задетиться*, *зауютить*; есть «*пронезнела глазами*» и «*звезда глазами*», *проядовитила*, *забелогрудилась* (о ласточке), «*зеленожелезились крыши*». Автор, как видим, образует новые глаголы не только от отдельных имен, но и от имен вместе с прилагательными. С меньшей свободой он создает отглагольные существительные. У него есть: *доцветенье*, *сжелтение*, *сгнитие*, *посиденье*, *вгнетание*, *вгрызение* и т. п.

Это может нравиться или не нравиться, но тут ничего не поделаешь: эти слова, раз мы их понимаем, тем самым уже составляют языковой факт. Они сами собой включаются в словарь русского языка, — нужды нет, что, быть может, их никто никогда больше не употребит: ведь и в словаре Даля есть множество слов, в общее употребление не вошедших, но вполне понятных и потому имеющих право на существование. Если кому-нибудь это захочется, он может ими воспользоваться. «Я повсеградно обэкрашен» Игоря Северянина², может быть, и безвкусица, но это — по-русски.

Ровинский («Русские народные картинки», V, 56 сл.)³ заметил, что в русском языке «выработалось особое свойство, по которому из каждого существительного имени *боевой* глагол можно сделать», и приводит такие «боевые» (т. е. означающие битье) глаголы, которые ему удалось услышать: *отстаканить*, *наегорить спину*, *припонтить*. Он считал это свойство языка, так сказать, вторичным, — результатом «повального битья». Но наблюдение Ровинского следует обобщить. «Кому бы это вздумалось, — говорит он там же, — из Понтийского Пилата и из Егория Храброго глаголы выделать». Он имел в виду именно эти, «боевые» глаголы. Но рядом с *наегорить* есть еще и *обэгорить* — глагол, к битью отношения не имеющий.

Из всех современных европейских языков несколько приближается в этом отношении к русскому один лишь немецкий. Такой семантический знак, как *heit*, имеет в немецком языке весьма широкое употребление. Ни на один романский язык нельзя перевести одним словом немецкое *Ichheit*. На русский можно: *ячность* — это слово есть в новейшем русском философском языке. Но все же границы в словотворчестве в немецком языке теснее и крепче защищены. В русском же, собственно говоря, нет никаких границ. А. Белый это доказал. В параллель этому стоят еще и некоторые другие особенности русского языка. В русском языке возможны и существуют — самые разнообразные виды стихосло-

жения. Ломоносов и Тредьяковский считали, что единственное, соответствующее строю русского языка стихосложение, это — тонико-силлабическое. На самом деле, не менее соответствует ему и чисто силлабическое (без счета и порядка ударений) и чисто тоническое (без счета слогов) стихосложение. Они же считали, что основными русскими метрами являются ямб и, в особенности, хорей. И действительно, строй прозаической русской речи держится на хорее. Но стихотворный язык допускает самое широкое употребление и трехдольных метров (Лермонтов, Некрасов, Блок, народная песня).

Нет сомнения, что это не случайно. Богатство возможностей русского языка находится в соответствии с тою «широкостью» русской природы, о которой говорил Достоевский и которая внушала ему столько же восхищения, сколько и тревогу, и желание «сузить» русского человека⁴.

1931 г.

